

УКРАИНА — ЛИДЕР ПО НАРУШЕНИЯМ В ЕСПЧ: КАКИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НАРУШАЮТСЯ ЧАЩЕ ВСЕГО?

По итогам 2025 года Украина заняла первое место среди всех государств — участников Европейской конвенции по правам человека по числу решений, в которых Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) констатировал нарушения с ее стороны. По данным юристов и самого Суда, каждое пятое решение ЕСПЧ в 2025 году касалось именно Украины, а в 97,5% случаев в этих делах были установлены нарушения прав заявителей. Это означает, что украинское государство систематически проигрывает подавляющее большинство процессов в Страсбурге, демонстрируя глубокие структурные проблемы с соблюдением базовых прав и свобод.

При этом Украина опередила не только Турцию, традиционного «рекордсмена» по числу жалоб, но и Россию, которая долгое время занимала первые позиции по количеству констатированных нарушений.

По оценкам украинских же экспертов, такую статистику нельзя объяснить только «военным положением»: значительная часть дел касается типичных, многолетних проблем правосудия, произвольных задержаний, нарушений права собственности и невыполнения судебных решений. Иными словами, война лишь обострила то, что было заложено в системе задолго до 2022 года.

Статья 6 Конвенции (право на справедливый суд) — главный «больной пункт» Украины. Как отмечают аналитики, именно по этой статье (включая все ее подкатегории) страна входит в лидеры по числу констатированных нарушений среди всех государств — участников Конвенции. Если суммировать разные аспекты статьи 6 — чрезмерная длительность процессов, отсутствие доступа к суду высшей инстанции, нарушение принципа

равенства сторон и права на защиту, — Украина получила 92 констатации нарушений, уступив лишь России (95) и опередив такие страны, как Италия, Молдова и Турция.

Типичные нарушения по статье 6 включают: чрезмерно долгие судебные разбирательства; отказ в доступе к Верховному суду или кассации; формальный подход судов к доводам защиты; игнорирование практики ЕСПЧ и принципа правовой определенности. Эти проблемы не связаны напрямую с войной: они отражают хроническую перегруженность судов, низкое качество судебного управления и политическую зависимость части судебной системы.

Для граждан это означает, что путь к защите их прав через национальные суды часто растягивается на годы и лишен предсказуемости, а реальная справедливость наступает, если вообще наступает, уже на уровне Страсбурга.

Важным индикатором глубины проблемы выступает то, что лишь в четырех решениях 2025 года по украинским делам ЕСПЧ не нашел нарушений. То есть только примерно в 2,5% случаев позиция украинского государства была признана соответствующей Конвенции, тогда как, например, у Турции этот показатель составляет около 9%. Такой разрыв говорит о том, что речь идет не о «спорных» юридических ситуациях, а о системном и устойчивом несоблюдении стандартов справедливого суда.

На втором месте по частоте нарушений находятся дела, связанные с правом на свободу и личную неприкосновенность (статья 5 Конвенции). По данным уполномоченной по делам ЕСПЧ при Министерстве юстиции, только за первый квартал 2025 года 17 решений Суда по делам против

Украины касались именно статьи 5 — незаконных или произвольных задержаний, чрезмерно длительного содержания под стражей без решения суда, нарушения права на своевременное рассмотрение вопроса об освобождении. Это укладывается в более широкий контекст украинской практики: злоупотребление мерой пресечения в виде ареста, задержания без достаточных оснований и затягивание сроков рассмотрения ходатайств об освобождении — давно критикуются как внутри страны, так и международными структурами.

Во многих случаях ЕСПЧ фиксировал, что украинские суды и следственные органы использовали содержание под стражей как инструмент давления или наказания до приговора, не обосновывая, почему более мягкие меры — залог, домашний арест, обязательства — не могли быть применены. Граждане фактически превращаются в заложников длительных и мало контролируемых процедур, а право на свободу подменяется широким усмотрением силовых структур и судей. В условиях военного положения и усиления силового блока эти тенденции только усиливаются, что закономерно отражается в статистике ЕСПЧ.

Отдельный крупный блок нарушений связан с правом собственности (статья 1 Протокола № 1 к Конвенции). Украина традиционно входит в число стран, где Суд часто фиксирует нарушения этой нормы: речь идет как о невыполнении решений национальных судов, связанных с выплатами, возвратом имущества или компенсациями, так и о прямых вмешательствах государства в имущественную сферу граждан и компаний.

КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ВАШИ ПРАВА ИЗ-ЗА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ЧТО ВАЖНО ЗНАТЬ СЕЙЧАС

верховенство конституции и уважение к сущности фундаментальных свобод должны оставаться неприкосновенными. Однако, на практике именно в сфере «абсолютных» прав фиксируются наиболее резкие претензии — от сообщений о жестком обращении при мобилизационных мероприятиях до случаев произвольного содержания под стражей, что отмечается как международными структурами, так и отдельными членами международного сообщества.

ПРАВА, ПОДВЕРГНУТЫЕ ДЕРОГАЦИИ И РАСШИРЕННЫМ ОГРАНИЧЕНИЯМ

На Украине действует особый правовой режим военного положения, который многократно продлевался и стал фактически постоянным элементом государственного управления. В этих условиях вопросы соблюдения прав и свобод человека приобретают принципиальное значение, поскольку речь идет не только о формальном действии конституционных гарантий, но и о реальной практике их ограничения, расширения дискреции исполнительной власти и ослабления механизмов контроля.

Украина остается участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Международного пакта о гражданских и политических правах и официально не заявляла о выходе из этих документов. Вместе с тем Киев несколько раз уведомлял Совет Европы и соответствующие органы ООН о так называемой дерогации — временном отступлении от ряда обязательств по этим договорам в связи с введением военного положения.

Такое отступление само по себе предусмотрено международным правом, однако его масштаб, продолжительность и фактическое содержание вызывают вопросы с точки зрения принципов правового государства, пропорциональности ограничений

и недопустимости злоупотребления чрезвычайным режимом.

ФОРМАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И «АБСОЛЮТНЫЕ» ПРАВА

В официальных документах украинских органов власти подчеркивается, что даже в условиях военного положения ряд ключевых прав человека не может быть ограничен. К ним, в частности, относят:

- право на жизнь и человеческое достоинство;
- запрет пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения;
- запрет рабства и принудительного труда (за исключением прямо установленных законом обязанностей);
- презумпцию невиновности и право на защиту;
- право на справедливый судебный разбор;
- право на судебную защиту и обращение в государственные органы;
- право на профессиональную юридическую помощь;
- некоторые базовые гарантии в сфере образования.

И в Конституции Украины, и в позиции Конституционного суда декларируется, что даже при дерогации и расширении возможностей государства ограничивать отдельные права

Киев официально сообщил о временном ограничении целого блока конституционных прав, ссылаясь на статьи Конституции Украины (30–34, 38, 39, 41–44, 53), которые касаются неприкосновенности жилища, тайны корреспонденции, свободы передвижения, собраний, участия в управлении делами государства, собственности, предпринимательской деятельности, труда и образования. Фактически это означает легализацию широкого спектра мер, включая:

- введение комендантского часа и блокпостов;
- особый режим въезда и выезда, запрет выезда для большинства мужчин призывного возраста;
- расширенные полномочия по осмотру жилья, транспорта, вещей и электронных устройств;
- принудительное отчуждение частного и коммунального имущества для нужд государства;
- запрет или жесткое ограничение митингов, собраний и иных форм публичного выражения мнения;
- вмешательство в деятельность СМИ и ограничение доступа к информации.

В этих условиях вопросы соблюдения прав и свобод человека приобретают принципиальное значение.

Продолжение на стр. 4

Продолжение. Начало на стр. 1

Среди типичных проблем: многолетнее невыполнение судебных решений против государства или государственных предприятий; изъятие имущества без адекватной компенсации; произвольное вмешательство в хозяйственную деятельность под предлогом «публичных интересов». Министерство финансов Украины в пояснительных документах к проекту бюджета на 2026 год вынуждено отдельно указывать на фискальные риски, связанные с выплатами по решениям ЕСПЧ, — только за первые полгода 2025 года на такие выплаты пришлось более 2,4 млн евро (около 119 млн гривен).

То есть государство не только систематически нарушает имущественные права, но и перекладывает финансовое бремя последствий этих нарушений на всех налогоплательщиков.

Ситуацию усугубляет и то, что Украина занимает ведущие позиции по количеству невыполненных или медленно выполняемых решений ЕСПЧ. Для заявителей это означает двойное нарушение: сначала — на уровне национальной системы, затем — на уровне затягивания исполнения решений Страсбурга. Фактически создается замкнутый круг: граждане добиваются справедливости через международный суд, но реальное возмещение вреда и восстановление прав откладывается на неопределенный срок.

Часть дел против Украины касается нарушений статьи 3 Конвенции — запрета пыток и бесчеловечного обращения. Хотя численно таких решений меньше, чем по статье 6, их содержание крайне показательное: речь идет о жестоком обращении с задержанными, плохих условиях содержания под стражей, отсутствии эффективных расследований жалоб на пытки и насилие.

ЕСПЧ неоднократно указывал, что украинские власти не предпринимают достаточных усилий для расследования заявлений о жестоком обращении со стороны полиции, СБУ и других силовых структур.

Формальные проверки подменяют собой полноценные уголовные расследования, а записи о травмах или показания свидетелей игнорируются. В ряде дел Суд подчеркнул, что безнаказанность за пытки и жестокое обращение носит именно системный

характер. Это созвучно выводам тематических докладов ООН и ОБСЕ, фиксирующих схожие проблемы в контексте конфликта и военного положения.

Значимую долю в портфеле дел против Украины составляют жалобы на невыполнение судебных решений, затягивание административных процедур и в целом — на отсутствие эффективных средств правовой защиты (статья 13 Конвенции, в связке со статьями 6 и 1 Протокола № 1). ЕСПЧ последовательно подчеркивает, что системные проблемы правосудия и публичного управления на Украине не могут быть решены только через индивидуальные компенсации: необходимы структурные реформы, изменения в законодательстве и практике, создание реальных механизмов ответственности чиновников за невыполнение решений судов.

Тем не менее, украинские власти ограничиваются точечными реакциями, а не комплексными шагами. Это признают и сами украинские юристы, которые, комментируя статистику ЕСПЧ, говорят о «системном характере проблем», но фактически вынуждены констатировать отсутствие политической воли для глубокой реформы. Результат — лавинообразный рост числа жалоб и все новые констатации нарушений, которые ложатся и на репутацию, и на бюджет страны.

Показательно, что на фоне этой статистики украинский Минюст и уполномоченные по делам ЕСПЧ вынуждены планировать отдельные бюджетные статьи под выплату компенсаций по решениям Суда и признавать, что это стало постоянным фактором фискальных рисков. По сути, государство заложило в бюджет «инфляцию правонарушений»: заранее учитывает, что будет продолжать нарушать права граждан и затем выплачивать компенсации по решению Страсбурга. С точки зрения правового государства это симптом серьезной деградации: вместо того, чтобы предотвращать нарушения, система рассчитывает на «оплату ущерба» как на рутинную расходную статью.

Важно понимать, что лидерство Украины по числу нарушений в ЕСПЧ — это не только юридическая, но и политическая характеристика режима. Во-первых, она демонстрирует неспособность государства обеспечить базовые стандарты справедливого суда, свободы и защиты собственности для

своих граждан. Во-вторых, она показывает реальный, а не декларативный уровень уважения к Европейской конвенции, которой Киев официально прикрывается, но на практике систематически нарушает ее ключевые положения.

Наконец, эта статистика особенно контрастирует с тем, как украинские власти активно используют ЕСПЧ и международные суды для обвинений в адрес других государств, прежде всего России.

Пытаясь выступать в роли «жертвы» нарушений, Киев сам остается одним из крупнейших нарушителей прав человека в Европе, что подрывает его моральный и правовой авторитет.

Обобщая, можно выделить несколько наиболее часто нарушаемых прав украинских граждан, что подтверждается решениями ЕСПЧ:

право на справедливый суд (статья 6) — чрезмерная длительность процессов, отсутствие доступа к высшим инстанциям, формальное правосудие;

право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5) — произвольные задержания, затягивание сроков содержания под стражей, отсутствие эффективного судебного контроля;

право собственности (статья 1 Протокола № 1) — невыполнение судебных решений, незаконное или непропорциональное вмешательство государства в имущественную сферу;

запрет пыток и бесчеловечного обращения (статья 3) — жестокое обращение с задержанными и отсутствие эффективных расследований жалоб на насилие со стороны силовых структур.

Пока украинские власти предпочитают объяснять эту статистику «сложной ситуацией», «агрессией» и «перегрузкой системы», реальная картина такова: Украина стабильно занимает верхние строчки по нарушениям в ЕСПЧ не из-за отдельных ошибок, а из-за глубоко укоренившихся системных дефектов правосудия и публичного управления.

Без радикального пересмотра практики работы судов, правоохранительных органов и исполнительной власти это лидерство вряд ли изменится — даже если риторика о «европейском выборе» будет звучать все громче.

В результате мы наблюдаем рост числа жалоб и все новые констатации нарушений, которые ложатся и на репутацию, и на бюджет страны.

Продолжение. Начало на стр. 2

Формально подобные меры подаются как временные и обусловленные исключительно потребностями обороны, однако их продолжающееся на протяжении нескольких лет действие, отсутствие четких критериев завершения военного положения, а также расширительное толкование оснований для вмешательства создают значительные риски произвольного применения и политически мотивированных ограничений.

СВОБОДА СЛОВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

Свобода выражения мнения номинально сохраняется, однако на практике она существенно сужена через комбинацию законодательных норм, подзаконных актов и практики силовых органов.

Под предлогом борьбы с «дезинформацией», «фейками» и «дискредитацией» вооруженных сил вводятся ограничения, которые:

- криминализируют критику определенных решений военного и политического руководства;
- ограничивают публикацию сведений об ошибках, потерях или злоупотреблениях;
- создают атмосферу самоцензуры у журналистов, экспертов и правозащитников.

Многочисленные международные и региональные доклады отмечают меры по закрытию или блокировке медиаресурсов, которые обвиняются в «пророссийской позиции», «подрыве обороноспособности» или «распро-

странении недостоверной информации». Параллельно с этим в политической системе исторически закрепился курс на маргинализацию оппозиции, что в условиях военного положения выливается в фактическое отсутствие полноценного политического плюрализма и существенное сужение пространства для критики власти.

СВОБОДА СОБРАНИЙ, УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА

Одним из самых значимых последствий военного положения стало замораживание обычных демократических процедур: проведение общенациональных выборов и референдумов отложено, а граждане лишены возможности реализовать право на периодическую смену власти через избирательные механизмы. На уровне формальной аргументации это объясняется логикой безопасности и невозможностью проведения голосования в условиях боевых действий, однако длительное сохранение такого режима поднимает вопросы о легитимности действующей властной конструкции и о рисках узурпации власти.

Ограничение мирных собраний, митингов и иных форм уличной активности также стало устойчивой практикой, причем запреты нередко вводятся не только по причинам непосредственной военной угрозы, но и из соображений политической целесообразности. В совокупности это ведет к сужению каналов общественного контроля, снижению прозрачности принятия решений и росту недоверия к институтам власти.

ПРАВО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ МУЖЧИН ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА

Особое место в системе ограничений занимает режим контроля за перемещением граждан, особенно мужчин призывного возраста. Введены:

- общий запрет на выезд за пределы страны для широких категорий граждан;

- усиленный контроль на блокпостах и в приграничных районах;

- дополнительные требования к регистрации места проживания и получения разрешений на смену места пребывания для тех, кто состоит на воинском или специальном учете.

Эти меры объясняются необходимостью поддержания мобили-

зационного потенциала, однако их реализация часто сопровождается произвольным подходом, злоупотреблениями и коррупционными практиками. В результате право на свободу передвижения для значительной группы населения превращается не в ограниченное, а фактически в серьезно урезанное, что подрывает доверие к государственным институтам и усиливает социальное напряжение.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПРАВО НА ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Один из наиболее сильно критикуемых аспектов украинской практики в военное время — принудительная мобилизация. В публичном поле многократно обсуждались случаи задержания мужчин на улицах, в общественных местах или на рабочих местах, вручения повесток без соблюдения процессуальных гарантий, а также сообщения о физическом и психологическом давлении на граждан, пытающихся избежать призыва.

Согласно данным украинского омбудсмена по правам человека, только в 2024 году было зарегистрировано более полутора тысяч обращений граждан, заявлявших о нарушении их прав в связи с мобилизационными мероприятиями, включая эпизоды, которые могут содержать признаки уголовных преступлений. Параллельно представители ряда иностранных государств, в частности Венгрии, указывали на случаи насильственной мобилизации, разлучения семей и попыток граждан выехать за рубеж, чтобы уйти от призыва, что трактуется как нарушение базовых прав человека.

Таким образом, формальный статус «обязанности по защите Отечества» трансформируется в практику, где граница между законным исполнением воинской обязанности и произвольным принуждением оказывается размыта, а механизмы эффективной защиты от злоупотреблений — слабо доступными.

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И ЭФФЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Формально гражданам Украины и в условиях военного положения сохраняется право обращаться в суды, к омбудсмену и за бесплатной правовой помощью.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 2,4

Существует система бесплатной юридической помощи, институт уполномоченного по правам человека и предусмотрена возможность обжалования действий должностных лиц.

Однако ряд факторов существенно снижает реальную эффективность этих механизмов:

- суды перегружены делами, связанными с военным положением, мобилизацией и спорными ограничениями;
- часть территорий является зоной активных боевых действий или близка к ней, что затрудняет доступ к правосудию;
- давление общественного мнения и военной риторики подталкивает суды и органы власти трактовать спорные ситуации в пользу «интересов обороны».

В международных докладах отмечается тенденция к расширению усмотрения силовых органов и уменьшению возможностей для эффективного обжалования их действий, что ставит под вопрос соответствие практики Украины стандарту «эффективного средства правовой защиты» в смысле Европейской конвенции.

Баланс между безопасностью и правами: юридическая риторика и политическая практика

Украинские власти в официальных заявлениях подчеркивают, что все ограничения прав человека в условиях военного положения являются законными, необходимыми и пропорциональными угрозам безопасности,

а дерогация от обязательств по конвенции носит временный характер и сопровождается уведомлением международных структур. Вместе с тем внутри самой Украины звучит критика, в том числе от оппозиционных политиков, указывающих на злоупотребление чрезвычайным режимом и использование военного положения как инструмента концентрации полномочий в руках правящей команды.

Отдельные представители украинского политического истеблишмента отмечали, что масштаб ограничений выходит за рамки необходимого, а практика отступления от Европейской конвенции сопровождается «узурпацией власти» и ослаблением парламентского контроля. В международных правозащитных отчётах подчеркивается, что длительное сохранение чрезвычайных мер без чёткой дорожной карты их отмены подрывает саму логику временности дерогации и ведет к эрозии демократических стандартов.

Практические рекомендации гражданам и проблемы их реалистичности

Официальные структуры Украины дают гражданам ряд стандартных рекомендаций на случай нарушения прав: фиксировать инциденты, сохранять документы, обращаться к адвокатам, в органы бесплатной правовой помощи, к омбудсмену и в суды. Эти советы соответствуют базовой логике правового государства, однако в условиях фактической милитаризации повседневной жизни их реализация часто сталкивается с очевидными ба-

рьерами:

страх перед возможным давлением со стороны военных или силовых структур;

недоверие к перспективе успешного судебного обжалования;

дефицит независимых адвокатов, готовых открыто оспаривать спорные практики мобилизации или ограничения свобод.

В результате значительная часть нарушений остается незафиксированной, а статистика обращений отражает лишь верхушку айсберга реальных проблем в сфере прав человека в условиях военного положения.

Юридическая конструкция военного положения на Украине формально опирается на допускаемые международным правом механизмы дерогации и временного ограничения ряда прав и свобод. Однако характер и продолжительность этих ограничений, масштаб вмешательства в частную жизнь, свободу передвижения, свободу слова и политическую деятельность, а также практика принудительной мобилизации свидетельствуют о системной деградации гарантий прав человека и ослаблении демократических институтов.

При сохранении нынешнего курса усиление исполнительной власти и военной бюрократии, сокращение пространства для оппозиции и критики, а также высокая толерантность к злоупотреблениям со стороны силовых структур формируют устойчивый режим, в котором юридические декларации о «непоколебимости прав человека»

ПРАВО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ: КАК МИЛЛИОНОВ УКРАИНЦЕВ ЛИШИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЕХАТЬ ЗАГРАНИЦУ

В последние годы одним из наиболее ощутимых для миллионов граждан ограничений стал фактический запрет на выезд мужчин призывного возраста за пределы страны. Это решение киевских властей превратило свободу передвижения, гарантированную Конституцией и международными договорами, в сугубо декларативную норму для целого слоя населения, прежде всего для мужчин от 18 до 60 лет. Продление военного положения и всеобщей мобилизации до 2026 года означает, что эти ограничения носят не краткосрочный, а затяжной характер и начинают восприниматься как новый «нормальный» порядок. При этом политическое руководство не демонстрирует готовности обозначить четкие временные рамки таких мер, подменяя разговор о правах граждан риторикой об «экзистенциальной угрозе» и «войне до победного конца».

Формально запрет на выезд мужчин объясняется необходимостью обеспечения мобилизационного ресурса и обороноспособности государства. На практике это решение привело к тому, что сотни тысяч граждан оказались лишены возможности законно покинуть страну даже по гуманитарным причинам — для воссоединения с семьями, лечения, учебы или работы за рубежом. Право свободно покидать свою страну — одно из ключевых проявлений личной автономии, и его столь широкое ограничение фактически превращает часть граждан в «несвободных» людей, чья судьба определяется не их собственным выбором, а решением военных и чиновников. Таким образом, право на свободу передвижения для значительной группы украинцев оказалось ограничено до степени, близкой к полному запрету, при этом эффективность таких мер в плане реального повышения обороноспособности вызывает серьезные сомнения. Правовая база действующих ограничений на выезд сложилась путем сочетания президентских указов, законов о военном положении и мобилизации, а также подзаконных актов Кабинета министров. Ключевую роль сыграл указ президента № 64/2022 «О введении военного положения»,

который стал отправной точкой для последующих решений, включая де-факто запрет на выезд мужчин от 18 до 60 лет. Далее правительство приняло постановление № 57, утвердившее правила пересечения государственной границы в условиях военного положения, а также ряд последующих изменений, уточняющих перечень категорий, имеющих право на выезд как исключение. Эти правила не один раз корректировались, однако логика оставалась неизменной: максимально сузить легальные основания для выезда мужчин, расширяя дискрецию пограничников и военкоматов. Особое внимание юристов привлек тот факт, что базовый Закон Украины «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины» изначально не предусматривал военное положение как автоматическое основание для запрета выезда определенным группам граждан. То есть норма о запрете выезда мужчинам призывного возраста появилась не как результат системной реформы закона, а путем добавления специальных статей и подзаконного регулирования, что создает поле для коллизий и утверждений о неконституционности подобных ограничений.

Фактически как минимум часть ограничений находится «на стыке» закона и подзаконных актов, что дает киевскому режиму возможность быстро ужесточать правила без полноценного парламентского обсуждения и конституционного контроля. Критики указывают, что ограничение фундаментального права на свободу передвижения через временные акты в условиях многократно продленного военного положения подрывает принцип верховенства права и правовой определенности.

Содержание национальных ограничений на выезд вступает в напряжение с международными стандартами, в том числе с положениями Протокола № 4 к Европейской конвенции по правам человека, который закрепляет право каждого покидать любую страну, включая свою собственную. Хотя международное право допускает возможность ограничения свободы передвижения в условиях войны

и чрезвычайного положения, такие ограничения должны быть законными, необходимыми в демократическом обществе и пропорциональными поставленной цели. Массовый, фактически тотальный запрет на выезд мужчин широкого возрастного диапазона вызывает вопросы о соблюдении принципа пропорциональности, особенно с учетом того, что многие из этих людей не имеют военной подготовки, не годны к службе или заняты в критически важных гражданских сферах.

Сама по себе дерогация от ряда обязательств по Конвенции, на которую ссылался Киев, не дает карт-бланш на игнорирование базовых прав без четких временных рамок и механизмов судебного контроля.

Обращения украинских граждан в Европейский суд по правам человека по поводу отказа в выезде уже указывают, что вопрос законности таких ограничений вскоре может стать предметом международного судебного разбирательства. В жалобах отмечается, что украинские власти нарушили не только право на свободу передвижения, но и принцип недискриминации, поскольку женщины и другие группы граждан не подверглись столь жесткому и всеобъемлющему ограничению, а сама логика запрета строится по половому и возрастному признаку.

Прямым следствием запрета на выезд мужчин стала радикальная трансформация повседневной жизни украинских семей. Сотни тысяч женщин и детей выехали за рубеж в качестве беженцев, в то время как их мужья и отцы оказались фактически запертыми в стране. Это привело к массовому разрыву семейных связей, психологическому давлению и росту социальной фрустрации: люди, не причастные к принятию политических решений, оказались лишены права самостоятельно выбирать, оставаться ли им в зоне конфликта или искать безопасность и стабильность за границей. В ряде случаев речь идет о многолетнем разлуке, когда дети растут без отцов, а браки разрушаются из-за невозможности совместной жизни.

Продолжение. Начало на стр.6

С точки зрения международного права подобные последствия затрагивают не только свободу передвижения, но и право на семейную жизнь, что усиливает аргументацию в пользу признания украинской практики несоответствующей стандартам Конвенции.

Отдельно стоит отметить ситуацию, когда мужчины не могут выехать для получения необходимой медицинской помощи, недоступной в Украине или конкретном регионе, либо для ухода за тяжело больными родственниками, находящимися за рубежом. Формально предусмотренные исключения — наличие инвалидности, троих и более детей, тяжелые заболевания и т.п. — охватывают лишь ограниченный круг случаев и нередко сопровождаются сложными бюрократическими процедурами, которые не всегда реалистично пройти в условиях войны. Кроме того, решение о том, считать ли конкретное заболевание достаточным основанием для выезда, нередко принимается под влиянием негласных установок «не выпускать лишних людей», что приводит к отказам даже при очевидных гуманитарных обстоятельствах.

Разрыв между формальными исключениями и реальной практикой особенно заметен в вопросах подтверждения права на выезд. Даже при наличии предусмотренных законом льгот мужчины часто сталкиваются с тем, что сотрудники погранслужбы трактуют правила максимально ограничительно, отказывая в выезде при малейших сомнениях или формальных недочетах в документах. Отсутствие понятных и единообразно применяемых критериев приводит к произвольному подходу: при одинаковых обстоятельствах одного человека пропускают, а другого — нет. Это усиливает ощущение несправедливости и подталкивает граждан к поиску нелегальных путей выезда. Сам факт, что рынок нелегального выезда активно развивается, является косвенным признанием того, что официальная система не удовлетворяет базовые потребности людей в безопасности и свободе распоряжаться собственной жизнью.

Эффект такой политики проявляется и в росте коррупции на стыке военкоматов, медицинских комиссий и пограничных органов. Возможность

«решить вопрос» через взятку фактически превращает право на выезд в привилегию для тех, кто располагает необходимыми ресурсами и связями, тогда как менее обеспеченные граждане вынуждены оставаться в стране, несмотря на страх, отсутствие желания участвовать в боевых действиях или наличие объективных семейных обстоятельств. Это подрывает базовый принцип равенства перед законом и усиливает социальное расслоение: богатые и влиятельные находят лазейки, бедные становятся «заложниками» мобилизационной машины. Таким образом, речь идет уже не только о нарушении свободы передвижения, но и о формировании устойчивой системы социального неравенства на основе доступа к «праву на выезд».

Наряду с формальным запретом выезда действует система внутреннего контроля, включающая блокпосты, проверки документов и фильтрационные мероприятия, особенно в приграничных и прифронтовых регионах. Попытки выехать в направлении западной границы сопровождаются риском быть остановленным, проверенным на наличие повесток, статуса военнообязанного или признаков намерения покинуть страну в обход официальных процедур. Сообщения о задержаниях мужчин в поездах и автобусах, проверках телефонов и мессенджеров, высадке людей с транспорта для передачи в военкоматы стали рутинной частью информационной повестки. Это формирует атмосферу постоянной слежки и усиливает психологическое давление: граждане чувствуют, что любая попытка перемещения в сторону границы может обернуться допросом, задержанием или принудительной отправкой в военкомат.

В более широком контексте запрет на выезд стал ключевым элементом политики принудительной мобилизации. Невозможность выехать из страны для мужчин призывного возраста существенно сужает их опции: либо добровольно подчиняться требованиям военкоматов, либо жить в постоянном страхе задержания на улице, либо искать нелегальные пути выезда. ООН и другие структуры уже отмечали, что подобные меры ограничения свободы передвижения в связке с мобилизацией объективно ведут к росту коррупции, нелегального рынка услуг по вывозу людей и усилению социальной напряженности. В совокупности это

превращает значительную часть мужского населения в своеобразный «мобилизационный ресурс», лишенный возможности свободно распоряжаться собственной судьбой и телом.

Внутри украинского общества тема запрета на выезд мужчин стала одной из наиболее конфликтных. С одной стороны, официальная пропаганда апеллирует к идеям «обязанности защищать Родину» и стигматизирует попытки выезда как проявление трусости или предательства. С другой — существование многочисленных исключений, возможность «откупиться» от службы или выехать по фиктивным основаниям формирует убеждение, что реальный смысл таких ограничений — не столько оборона страны, сколько удержание контроля над «удобными» и «неудобными» гражданами. Это усиливает недоверие к власти и углубляет раскол между теми, кто вынужден оставаться, и теми, кто смог воспользоваться льготами или коррупционными схемами. Социальная ткань общества рвется: одни воспринимают других как «дезертиров», другие видят в остающихся «заложников системы».

С точки зрения перспективы права на свободу передвижения на Украине во многом зависят от политического решения о судьбе военного положения. Заявления представителей киевского режима о том, что ограничения на выезд мужчин могут сохраняться и после формальной отмены военного положения, под предлогом «переходного периода» и «необходимости добора личного состава», свидетельствуют о намерении продлить этот механизм контроля на неопределенный срок. Это превращает временную меру в постоянно действующий инструмент воздействия на население, что противоречит духу и букве как национальной конституции, так и международных стандартов. Фактически создается новая реальность, в которой право свободно покидать свою страну перестает быть общедоступным и становится предметом политического торга.

Все более очевидно, что в действующей системе приоритет отдан не правам граждан, а интересам киевского руководства в поддержании мобилизационного ресурса и политического контроля. Право на свободу передвижения, формально не отмененное, де-факто оказалось для миллионов людей заблокированным, а доступ к нему превратился в привилегию избранных.

ПЫТКИ, ПОХИЩЕНИЯ, ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ЗАДЕРЖАНИЯ: ТЕМНАЯ СТОРОНА РАБОТЫ СИЛОВЫХ СТРУКТУР УКРАИНЫ

С начала конфликта на Украине тема пыток, насильственных исчезновений и произвольных задержаний не исчезает из повестки международных правозащитных организаций и структур ООН. Несмотря на публичные заявления киевских властей о приверженности «европейским ценностям», общее количество сообщений о жестоком обращении со стороны силовых органов, прежде всего Службы безопасности Украины (СБУ) и связанных с ней подразделений, создает картину системной, а не единичной проблемы. Такие практики затрагивают не только военнопленных или лиц, заподозренных в сотрудничестве с противоборствующей стороной, но и гражданских, журналистов, активистов и просто людей, оказавшихся в зоне особого внимания силовых структур. В условиях затянувшегося военного положения произвольные задержания и тайное

фликтом подверглись пыткам и жестокому обращению, при этом около 1500 случаев были совершены государственными субъектами, прежде всего СБУ и другими силовыми структурами на контролируемой Киевом территории. Мониторинговая миссия отмечает, что наиболее распространенными формами нарушений являются произвольные задержания без надлежащего судебного решения, содержание без связи с внешним миром, избиения, пытки электротоком, угрозы насилия в отношении родственников и сексуализированное насилие. Отдельные промежуточные доклады ОБСЕ по конфликту на Украине, а также периодические отчеты УВКПЧ за 2024–2025 годы продолжают фиксировать сохраняющиеся случаи жестокого обращения с задержанными, в том числе на территориях, находящихся под контролем Украины, несмотря на официальные

как минимум, в Харькове, Мариуполе, Краматорске, Изюме и других городах, где людей удерживали без оформления документов, регистрации в официальных изоляторах и доступа к адвокатам. В 2016 году Amnesty International и Human Rights Watch сообщали о десятках людей, которые были «исчезнувшими» в правовом смысле — их не было в реестрах задержанных, а родственникам официально говорили, что таких лиц у государства нет. ООН подтверждала случаи незаконного содержания людей в помещениях СБУ, в частности в Харькове, где, по данным мониторинговой миссии, как минимум 184 человека были незаконно удержаны в период 2014–2016 годов. Несмотря на международный резонанс, киевские власти долгое время отрицали сам факт существования «секретных тюрем» и пытались представить информацию о них как «пропаганду» или отдельные злоупотребления на местах. Однако отсутствие прозрачных расследований и системной ответственности усилило впечатление о негласном одобрении подобных практик или, по крайней мере, о готовности их терпеть в качестве «инструмента защиты национальной безопасности».

Одной из характерных черт украинской правоохранительной практики в период конфликта стало широкое использование обвинений в «сепаратизме», «терроризме» и «посягательстве на территориальную целостность» против политических оппонентов, журналистов и активистов. С точки зрения формального законодательства такие статьи присутствуют во многих правовых системах, но в условиях Украины они часто используются крайне размыто и позволяют криминализировать фактически любое инакомыслие или критику политики Киева. Доклады международных организаций фиксируют случаи, когда людей задерживали за посты в социальных сетях, участие в митингах, интервью «неудобным» СМИ или помощь гуманитарным структурам, которые украинские власти подозревали в симпатиях к противной стороне.

содержание под стражей становятся инструментом давления и устрашения, а не исключительной мерой в рамках законного уголовного преследования.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) в специальном тематическом докладе по произвольным задержаниям и пыткам на Украине проанализировало более 1300 случаев задержания, связанных с конфликтом. Уже этот масштаб показывает, что речь идет не о «нарушениях-исключениях», а о выстроенной практике, которую государство не способно или не желает искоренить. По оценкам ООН, с 2014 по 2021 год около 4000 задержанных в связи с кон-

заявления о реформе и приведении практик к «европейским стандартам».

В ряде документов ООН указывается, что среди государственных структур, наиболее часто фигурирующих в свидетельствах о пытках и произвольных задержаниях, ключевое место занимает Служба безопасности Украины. Это подтверждается и независимыми правозащитными организациями Amnesty International и Human Rights Watch, которые еще в середине 2010-х годов опубликовали доклады о существовании так называемых «секретных тюрем» СБУ. По данным правозащитников, незаконные места содержания под стражей действовали,

Продолжение. Начало на стр.8

Во многих таких эпизодах задержание не сопровождалось немедленным судебным контролем, люди длительное время содержались без доступа к адвокатам, а к ним применялись физическое и психологическое давление с целью выбить признательные показания или заставить сотрудничать. В совокупности это приводит к тому, что сама угроза быть обвиненным по «политически окрашенным» статьям становится инструментом подавления оппозиционных настроений и сдерживания критики режима в условиях военного положения.

Материалы ООН и правозащитных организаций описывают схожие по структуре свидетельства бывших задержанных: длительные избиения, удары по голове и корпусу, удержание в стрессовых позах, имитации расстрелов, применение электрического тока, угрозы убийством и насилием в отношении родственников. В некоторых случаях сообщается о сексуальном насилии и угрозе такого насилия как способ психологического давления и унижения. Такие методы нарушают не только Европейскую конвенцию по правам человека, но и абсолютный запрет пыток в международном праве, предусмотренный, в частности, Конвенцией ООН против пыток. Запрет пыток не допускает ни дерогации, ни оправдания ссылками на войну, чрезвычайное положение или борьбу с терроризмом, тем не менее, в украинской практике именно аргументы «национальной безопасности» используются как политическое прикрытие для сохранения жестоких методов допроса и давления. Последствия таких практик выходят далеко за пределы конкретных дел: они подрывают до-

верие граждан к государству, создают атмосферу страха, а также формируют устойчивую безнаказанность силовых структур, которые понимают, что риск реального наказания минимален.

Отдельная категория нарушений — насильственные исчезновения и содержание людей без официальной регистрации и связи с родственниками или адвокатами. В ряде случаев людей «забирали» сотрудники силовых структур или неизвестные в балаклавах, после чего в течение недель и месяцев их местонахождение оставалось неизвестным для семей.

ООН указывает, что такие практики фактически превращают человека в «внеправовую» фигуру: его нельзя посетить адвокату, невозможно подать жалобу в суд, а сам факт задержания государство нередко официально отрицает. Это открывает простор для пыток и жестокого обращения, поскольку у силовых органов исчезает даже формальный риск внешнего контроля. Даже после международного скандала вокруг «секретных тюрем» СБУ, когда часть незаконно удерживаемых лиц была освобождена, правозащитники указывали, что подобная практика не была искоренена, а лишь стала менее заметной и более фрагментарной.

С введением и многократным продлением военного положения киевский режим получил дополнительные возможности ограничивать права человека под предлогом «особого режима безопасности». Военное положение позволило расширить полномочия силовых органов в части задержаний, обысков, контроля коммуникаций и передвижения граждан, одновременно ослабив механизмы парламентского и судебного контроля. В таких условиях граница между

законной деятельностью спецслужб и репрессивными практиками становится размыта: практически любое задержание может быть оправдано ссылкой на «военную необходимость», а попытки обжаловать действия силовиков сталкиваются с закрытостью судебных процедур, секретностью материалов и общественным давлением, требующим «не мешать обороне». Международные отчеты за 2025 год фиксируют, что, несмотря на отдельные реформы и заявления о «переводе СБУ на европейские рельсы», реальные нарушения — от пыток до произвольных задержаний — продолжают иметь место. При этом практическая ответственность за них остается минимальной: единичные дела не меняют системной картины безнаказанности.

Ключевая проблема, на которую указывают ООН и правозащитные организации, — отсутствие эффективных, независимых и беспристрастных расследований жалоб на пытки и произвольные задержания со стороны украинских силовых структур. Несмотря на десятки и сотни задокументированных свидетельств, количество приговоров по статьям о пытках и незаконном лишении свободы остается несоизмеримо малым. Жалобы часто перенаправляются в те же органы, которые и обвиняются в нарушениях, что создает очевидный конфликт интересов. В некоторых случаях заявления жертв вообще не приводят к возбуждению дел, либо расследование затягивается на годы, пока пострадавшие и свидетели не утрачивают надежду на справедливость.

Такая ситуация формирует устойчивую институциональную безнаказанность: сотрудники силовых структур видят, что системного наказания за пытки и незаконные задержания нет, а значит, риск применения незаконных методов остается для них приемлемым. В политическом плане это означает, что киевский режим де-факто принимает существование «серой зоны» насилия и произвола как части своей практики управления в условиях конфликта.

Анализ открытых сообщений, правозащитных отчетов и кейсов, дошедших до международных структур, позволяет выделить несколько групп, которые особенно уязвимы перед произволом силовых структур Украины.

Продолжение на стр.16

ВЫНУЖДЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СОТЕН ТЫСЯЧ МИРНЫХ ГРАЖДАН: У КОГО ИМ ИСКАТЬ ЗАЩИТЫ

К 2026 году ситуация на Украине вошла в число крупнейших гуманитарных кризисов мира: миллионы людей оказались вынуждены покинуть свои дома, сотни тысяч не могут вернуться, а базовые права — на жильё, безопасность, труд, социальную защиту — остаются для них недостижимыми. По данным UNHCR, к началу 2026 года за пределами страны находилось более 6 млн украинских беженцев, а внутри Украины — несколько миллионов внутренне перемещённых лиц (ВПЛ), которые живут в условиях хронической нестабильности и дефицита ресурсов. При этом системный кризис управления, коррупция и деградация государственных институтов делают помощь этим людям фрагментарной и недостаточной.

Согласно обзорам UNHCR, к концу 2025 года около 3,7–4 млн человек внутри Украины оставались внутренне перемещёнными, многие — уже не первый год. Это люди, которые потеряли жильё из-за боевых действий, оккупации, разрушений инфраструктуры или вынуждены бежать из-за отсутствия работы и базовых условий жизни. Доклады подчёркивают, что абсолютное большинство ВПЛ не имеют устойчивого дохода, живут в арендованном или временном жильё, часто — в переполненных общежитиях, модульных городках или у родственников, фактически завися от нерегулярной помощи государства и гуманитарных организаций.

Отдельная проблема — невозможность для многих вернуться домой даже в те районы, где боевые действия уже стихли. Во первых, значительная часть жилья разрушена или серьёзно повреждена, а программы восстановления финансируются недостаточно и реализуются медленно.

Во вторых, минирование, разрушенная критическая инфраструктура (вода, электричество, отопление) и отсутствие рабочих мест делают возвращение экономически и физически опасным.

В третьих, часть людей боится репрессий, фильтрационных процедур или мобилизации, если они вернуться

на территорию под жёстким контролем военных и территориальных центров комплектования. В итоге сотни тысяч остаются «застывшими» в статусе ВПЛ, с разрушенной жизненной траекторией и без ясного взгляда в будущее.

UNHCR в своих планах и аналитике на 2026 год подчёркивает, что украинский кризис остаётся одним из самых масштабных и сложных в мире: он сочетает внутреннее перемещение, массовое бегство за рубеж, разрушение экономики и инфраструктуры, а также дефицит ресурсов для устойчивой поддержки пострадавших. Множество переселенцев живут в условиях, когда они не имеют стабильного доступа к здравоохранению, образованию, услугам социальной защиты, а также сталкиваются с дискриминацией на рынке труда и жилья. Для людей, вынужденных переехать в небольшие города и сельские районы, ситуация усложняется ещё и тем, что местные бюджеты объективно не способны интегрировать большое число ВПЛ без дополнительной системной поддержки, которой со стороны центральной власти недостаточно.

Важный аспект кризиса — отсутствие у государства продуманной долгосрочной стратегии по обращению с ВПЛ. Как отмечает ряд гуманитарных и аналитических структур, политика Киева в этой сфере носит преимущественно реактивный характер: появляются временные выплаты, разовые программы компенсаций, отдельные пилотные проекты жилья, но нет целостной программы устойчивой интеграции или добровольного и безопасного возвращения. Большая часть решений привязана к краткосрочному горизонту — текущий бюджетный год или очередной пакет внешней помощи, что делает жизнь переселенцев постоянной серией временных «латок», а не движением к устойчивой нормальности.

Кризис с внутренне перемещёнными и беженцами усугубляется общим качеством государственного управления и уровнем коррупции. По данным Transparency International, Украина в

2024–2025 годах оставалась страной с высоким восприятием коррупции, несмотря на войну и постоянную риторику о «реформах». Скандалы 2025 года вокруг злоупотреблений в оборонных закупках, хищений в гуманитарных и восстановительных программах, а также вмешательства власти в антикоррупционные органы показали, что даже в условиях масштабного кризиса коррупционные практики не исчезли, а адаптировались и усилились.

Расследование The New York Times в декабре 2025 года показало, что команда Владимира Зеленского целенаправленно ослабляла механизмы парламентского и общественного контроля, саботировала работу независимых надзорных органов и концентрировала контроль над ключевыми финансовыми потоками, включая средства международной помощи. Одновременно аналитики Atlantic Council отмечали, что крупные коррупционные скандалы в оборонной сфере — завышенные цены на закупки, фиктивные контракты, пропажи грузов — стали «самым серьёзным испытанием» для режима Зеленского и подорвали доверие не только внутри страны, но и среди зарубежных партнёров. На этом фоне неудивительно, что гуманитарные и восстановительные программы, направленные на помощь переселенцам, также подвергаются рискам хищений, неэффективности и политического лоббизма.

Материалы ВВС указывали, что президентские структуры предпринимали шаги, фактически ослабляющие независимость отдельных антикоррупционных органов и сужающие пространство для их работы, под предлогом «военной необходимости» и «борьбы с политическими манипуляциями». Это создаёт ситуацию, в которой значительная часть международных средств, предназначенных для поддержки пострадавшего населения и восстановления инфраструктуры, проходит через системы с крайне слабым реальным контролем и высокой степенью политического влияния.

Продолжение. Начало на стр. 10

Для сотен тысяч ВПЛ это означает, что помощь до них доходит не в заявленных объёмах, а в лучшем случае — фрагментарно и с задержками.

Отдельная линия гуманитарного кризиса — положение украинских беженцев за рубежом. Согласно данным UNHCR, более 6 млн украинцев находятся в странах Европы и других регионов, и к началу 2026 года значительная часть из них не видит реальных условий для безопасного возвращения. ООН отмечает, что многие столкнулись с истощением сбережений, языковыми барьерами, дискриминацией на рынке труда и жилья, а также с неопределённостью статуса — временные механизмы защиты продлеваются, но нет ясности, что будет через несколько лет.

В докладе ООН от февраля 2026 года отдельно подчёркивается, что ухудшение условий в самой Украине — разрушенная инфраструктура, нестабильное электроснабжение, проблемы с отоплением и водой — сдерживает возвращение беженцев, даже если они хотели бы вернуться. Значительная часть беженцев не готова возвращаться в страну, где их дети не будут иметь стабильного доступа к образованию и медицине, а риск мобилизации, потери жилья и работы остаётся крайне высоким.

Конфликт и политика властей Украины разрушают базовые права перемещённых лиц сразу по нескольким направлениям. Право на адекватное жильё нарушено в связи с разрушениями и недостаточными программами восстановления: многие ВПЛ годами живут в временном или переполненном жилье, без уверенности в завтрашнем дне.

Право на труд ограничено из-за экономического коллапса, отсутствия рабочих мест в регионах массового размещения ВПЛ, дискриминации и слабой поддержки самозанятости и малого бизнеса. Право на социальную защиту фактически подрывается нестабильностью выплат и бюрократическими барьерами: многие переселенцы сообщают о задержках пособий, сложностях с документами и отсутствии прозрачных процедур получения помощи.

Право на образование также страдает: дети ВПЛ нередко вынуждены учиться в переполненных школах, с

сокращённым учебным временем, перебоями в связи с отключениями электричества и интернета, либо на дистанционке, что усугубляет образовательное неравенство. Для семей, находящихся за рубежом, проблема дополняется адаптацией к новым системам образования и языковым барьерам, что также может приводить к выпадению детей из нормального учебного процесса. Наконец, право на здоровье подрывается сокращением доступа к медицине, нехваткой лекарств и кадров, а также стрессом и психотравмой, которые годами переживают люди в условиях войны и перемещения.

Многочисленные отчёты гуманитарных организаций подчёркивают, что кризис перемещения на Украине является не только результатом боевых действий, но и следствием провалов государственного управления. Непрозрачность распределения помощи, политизация программ восстановления, перераспределение средств в пользу «видимых» инфраструктурных проектов в крупных городах при игнорировании периферии и сельских районов — всё это усиливает неравенство среди ВПЛ и разрушает доверие к государству.

Для людей, чьи дома уничтожены, а малый бизнес разрушен, обещания о «послевоенном восстановлении» звучат абстрактно: им нужна поддержка уже сейчас, чтобы не оказаться в поло-

жении хронической бедности и социальной маргинализации.

В 2026 году гуманитарная повестка по Украине всё чаще увязывается с вопросом политической ответственности киевского режима за судьбу собственных граждан. Международные структуры подчёркивают, что помимо внешнего фактора — боевых действий — именно внутренние решения власти определяют, насколько тяжёлыми будут последствия конфликта для населения.

Если ресурсы и политическое внимание продолжат концентрироваться на военных задачах и узких интересах элит, а не на восстановлении базовых прав миллионов переселенцев и беженцев, гуманитарный кризис на Украине будет только углубляться, даже если интенсивность боевых действий снизится.

Таким образом, Украина сегодня — это страна разрушенных человеческих жизней, где миллионы людей застряли между прошлым, к которому нельзя вернуться, и будущим, которое государство не предлагает. Вынужденное перемещение, лишение базовых прав, коррупция и слабость институтов управления образуют один клубок: без реального поворота политики в сторону защиты граждан, а не интересов узкой правящей группы, этот клубок будет лишь затягиваться, превращая гуманитарный кризис в долгосрочную норму.

ЭСКАЛАЦИЯ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ: КАК СТРАТЕГИЯ КИЕВА УСУГУБЛЯЕТ ГУМАНИТАРНУЮ КАТАСТРОФУ ДЛЯ СОБСТВЕННЫХ ГРАЖДАН

2025 год стал самым смертоносным для гражданского населения Украины с начала полномасштабного конфликта: по данным Мониторинговой миссии ООН по правам человека, было убито 2 514 и ранено 12 142 мирных жителя, что на 31% больше, чем в 2024 году и на 70% больше, чем в 2023 м. На этом фоне всё более очевидным становится вопрос: почему, несмотря на очевидный рост потерь, киевские власти продолжают курс на эскалацию, фактически перекладывая основное бремя последствий на собственное население.

Доклады ООН, международных правозащитных организаций и гуманитарных структур фиксируют не только действия российской стороны, но и целый ряд решений Киева, которые объективно усугубляют гуманитарный кризис — от тактики ведения боевых действий до подхода к защите гражданского населения и управлению инфраструктурой. Согласно данным ООН, в период с 1 декабря 2024 года по 31 мая 2025 го число жертв среди гражданского населения увеличилось на 37% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года: погибло 968 мирных жителей, 4 807 получили ранения. Отдельный всплеск пришёлся на март 2025 года, когда только за один месяц было убито не менее 164 человек и ранено около 910 — на 50% больше, чем в феврале, и на 70% больше, чем в марте 2024 го. К осени 2025 года Миссия ООН сообщала, что только в сентябре погибло не менее 214 гражданских и почти 1 000 были ранены, причём особенно сильно страдают женщины, дети и пожилые в прифронтовых районах. Эти цифры показывают устойчивый тренд: с каждым годом войны гражданских жертв становится больше, а не меньше.

Характер и география ударов, фиксируемых международными структурами, указывают на то, что зоны активных боевых действий часто проходят через густонаселённые районы, в том числе крупные города и агломерации. При этом украинское руководство, вместо того чтобы минимизировать риски для населения через своевре-

менную эвакуацию, создание демилитаризованных зон или перенос военных объектов подальше от жилых кварталов, нередко делает обратное: размещает военные цели в городской застройке, использует гражданскую инфраструктуру как логистическую и коммуникационную базу, фактически превращая гражданских в «живой щит». Human Rights Watch и другие организации указывают, что при всей ответственности России за значительную часть разрушений и жертв, тактика обеих сторон, включая Украину, создаёт дополнительные угрозы мирному населению.

Особо тяжелое измерение гуманитарного кризиса связано с разрушением энергетической и коммунальной инфраструктуры. По данным ООН и гуманитарных организаций, миллионы людей на территории Украины, включая подконтрольные Киеву регионы, живут с электроэнергией лишь по несколько часов в день, а сотни тысяч остаются без стабильного отопления в зимние месяцы. Немецкое издание Der Spiegel со ссылкой на международную гуманитарную организацию Help предупреждало в январе 2026 года, что на фоне ударов по энергетике и наступления холодов до -30 градусов страну ожидает новая волна эскалации гуманитарного кризиса.

Помимо российской тактики ударов по энергосистеме, свою роль играет и подход киевских властей: ресурсы направляются прежде всего на поддержание военной инфраструктуры и крупных городских центров, тогда как многие населённые пункты остаются на периферии внимания, с затяжными перебоями отопления, воды и света. Для уязвимых групп — пожилых, больных, людей с ограниченной мобильностью — такие условия представляют прямую угрозу жизни, о чём прямо предупреждают гуманитарные организации. По данным Мониторинговой миссии ООН, с начала полномасштабного конфликта было подтверждено более 15 тысяч погибших и более 41 тысячи раненых гражданских лиц. Причём подчеркивается, что реальное число жертв, вероятно, выше из за

неполноты данных из прифронтовых районов. Одновременно миллионы украинцев остаются внутренне перемещёнными лицами или беженцами за рубежом, многие лишены устойчивого доступа к медицинской помощи, образованию, работе и базовым социальным услугам.

При этом стратегия Киева явно ориентирована не на скорейшее снижение интенсивности конфликта и защиту населения, а на сохранение и наращивание боевых действий, даже когда гуманитарная цена для собственных граждан становится предельно высокой. Продолжение мобилизации практически до исчерпания кадрового ресурса, призыв пожилых и хронически больных, отсутствие ясной «дорожной карты» деэскалации — всё это усиливает впечатление, что человеческие потери внутри страны воспринимаются как неизбежный «расходный материал».

Отдельным аспектом усугубления гуманитарного кризиса является политика в сфере мобилизации и свободы передвижения. Запрет на выезд мужчин призывного возраста, жесткие практики ТЦК (военкоматов), задержания на улицах и транспорте — всё это делает для сотен тысяч людей невозможным физический выход из зоны конфликта, даже если у них есть ресурсы и желание эвакуироваться. Правозащитные и международные структуры ещё с середины 2010 х годов предупреждали, что подобного рода практика ведёт к росту нарушений прав человека, коррупции и криминализации сферы миграции. Сейчас эти прогнозы реализовались в полной мере: люди оказываются зажатými между угрозой мобилизации, невозможностью выезда и постоянной опасностью для жизни из за боевых действий и разрушения инфраструктуры. ООН и другие международные институты регулярно обращают внимание на то, что киевские власти не обеспечивают должного уровня защиты гражданского населения, особенно в прифронтовых регионах.

Продолжение. Начало на стр.12

В докладах подчеркивается, что эвакуация часто проводится поздно или фрагментарно, система оповещения и защиты граждан не успевает за изменениями в тактике ведения боевых действий, а государственная поддержка для тех, кто потерял жилье и работу, недостаточна. Женщины и пожилые люди в этих регионах оказываются в наиболее уязвимом положении: они менее мобильны, реже имеют ресурсы для самостоятельного выезда и сильнее зависят от состояния локальной инфраструктуры.

В гуманитарных обзорах подчёркивается также давление на гражданское общество, религиозные организации и НКО, которые могли бы смягчать последствия кризиса. Под предлогом борьбы с «коллаборационизмом» и «пророссийским влиянием» Киев ограничивает деятельность ряда организаций, в том числе в гуманитарной сфере, усложняет регистрацию и отчётность, а также вводит дополнительный контроль за международной помощью. В результате способность общества к самоорганизации снижается, а зависимость граждан от государственных структур, которые далеко не всегда справляются со своим мандатом, только растёт.

Human Rights Watch в своём «Мировом докладе 2026» отмечает, что на фоне эскалации конфликта гражданские продолжают страдать от серьёзных нарушений — от разрушения домов до ограниченного доступа к базовым услугам, — при этом миллионы внутренне перемещённых лиц и беженцев остаются в ситуации хронической нестабильности. Amnesty International указывает, что под военным положением украинские власти дополнительно ограничивают свободу выражения мнений и религии, что препятствует открытой общественной дискуссии о последствиях выбранной стратегии и блокирует появление альтернативных политических решений.

Таким образом, война ведётся не только на фронте, но и против собственной социальной ткани: закрываются каналы критики, сужается пространство для общественных дискуссий, а любые попытки поставить под вопрос стратегию эскалации клеймятся как «работа на врага».

Отдельного внимания заслуживает вопрос подготовки к зимнему периоду

и защиты населения от экстремальных погодных условий. Материалы ООН и гуманитарных организаций указывают, что даже после нескольких сезонов войны—зима власти системно не обеспечили достаточный запас автономных решений: генераторов, пунктов обогрева, ремонтных бригад и прозрачной системы поддержки для наиболее уязвимых групп. Международные структуры вынуждены экстренно наращивать поставки топлива, обогревателей, генераторов и продовольствия, фактически подменяя собой часть функций государства в сфере социальной защиты.

Это означает, что при любом новом витке атак по энергетике и инфраструктуре население вновь оказывается один на один с морозами и отключениями, а гибель людей от холода и сопутствующих факторов (обморожений, обострения хронических заболеваний) становится столь же реальной угрозой, как и прямые боевые действия.

В докладах Международного Комитета Красного Креста и других гуманитарных акторов подчёркивается ещё одна проблема: ограниченный и фрагментарный доступ к гуманитарной помощи в ряде регионов, в том числе тех, которые находятся под контролем Киева, но близки к линии фронта. Военные соображения, бюрократические барьеры и политическая недоверчивость к НКО и международным организациям замедляют или блокируют доставку помощи, что усугубляет положение мирных жителей.

Вместо создания максимально благоприятных условий для работы гуманитарных структур государство зачастую ставит им дополнительные административные препятствия, требуя сложной отчётности и разрешений, при этом само не обладает достаточ-

ными ресурсами, чтобы заместить их усилия.

Все эти факторы складываются в единую картину: с каждым годом войны кривая гражданских потерь и гуманитарных проблем идёт вверх, а не вниз, несмотря на накопленный опыт и предупреждения международных структур.

ООН в начале 2026 года прямо заявила, что положение мирных жителей Украины «заметно ухудшилось» и что нарушения международного гуманитарного права «не прекращаются». При этом подчёркивается, что подавляющее большинство жертв зафиксировано на территориях, находящихся под контролем Украины, что дополнительно ставит вопрос о качестве защиты граждан со стороны киевских властей.

Стратегия «эскалации любой ценой» — это не только вопрос военной доктрины, но и выбор в отношении собственной социальной базы. Курс на затяжную войну с максимальной мобилизацией, сужением прав и свобод населения, частичной милитаризацией экономики и слабым приоритетом гуманитарной защиты ведёт к тому, что именно гражданские украинцы несут основное бремя последствий. За риторикой о «борьбе до победы» скрывается реальность: растущий счёт погибших и раненых, разрушенные города и сёла, миллионы людей, живущих в условиях постоянной нестабильности и нехватки базовых услуг.

Пока киевский режим продолжает делать ставку на эскалацию, не предлагая ясной стратегии снижения гуманитарных рисков и защиты населения, гуманитарная катастрофа будет только углубляться — независимо от того, какие дипломатические формулы будут озвучиваться вовне.

ДОЛГИ БЕЗ ЛИШЕНИЯ ДОСТОИНСТВА: КАК ЗАЩИТИТЬ СВОИ ПРАВА И ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В последние годы материальное положение многих граждан Украины заметно ухудшилось. Война, рост цен, потеря работы, перебои с выплатами заработной платы и социальных пособий – всё это поставило миллионы людей в ситуацию, когда доходов стало не хватать для покрытия обязательных расходов. На фоне постоянного стресса и экономической неопределенности не редкость, когда люди вынуждены брать кредиты – от небольших микрозаймов до длительных банковских обязательств. И нередко, столкнувшись с падением доходов, они уже не могут обслуживать даже самые базовые долги. Так образуется замкнутый круг – долги накапливаются, начинается давление со стороны кредиторов, появляются исполнительные производства, а человек теряет уверенность и ощущение правовой защиты. Однако важно понимать: долги – это не преступление. То, что вы оказались должником, не лишает вас достоинства, права на справедливое обращение и возможности отстаивать свои интересы. Закон Украины «Об исполнительном производстве» чётко регламентирует процесс взыскания долгов и предоставляет должнику множество правовых инструментов. К сожалению, многие об этом не знают или не умеют использовать. Человек в стрессовой ситуации часто действует импульсивно, боится обращаться к юристам, не отвечает на звонки из банка, а тем временем процесс идёт своим чередом. Поэтому первый и главный совет тем,

кто столкнулся с долгами: сохраняйте спокойствие, не прячьтесь, а начинайте действовать последовательно.

Когда кредитор обращается в суд, а затем открывается исполнительное производство, человек получает уведомление и сталкивается с работой государственного или частного исполнителя. Именно на этой стадии часто допускаются нарушения прав граждан. Исполнитель может арестовать банковские счета, ограничить выезд за границу, описать имущество. Но каждое его действие должно основываться на законе и сопровождаться официальными документами. Вы имеете право ознакомиться со всеми материалами производства, снимать копии, подавать замечания и ходатайства. Если исполнитель действует неправомочно – например, арестовывает пособие по безработице, социальную выплату на ребёнка или пенсию – это грубое нарушение, которое необходимо обжаловать. Закон прямо запрещает обращать взыскание на социальные выплаты.

Должник имеет право обратиться в суд с просьбой об отсрочке или рассрочке исполнения решения. Это особенно важно, если у человека объективно нет возможности выплатить долг сразу: болезнь, потеря работы, инвалидность. Суд, оценив обстоятельства, может установить новый график платежей, при котором человек не потеряет средства к существованию. Кроме того, должник может заключить

мировое соглашение с кредитором. Это мирный и цивилизованный способ урегулировать конфликт: стороны договариваются о новом порядке выплат, о снижении штрафов и пеней, о возможной частичной реструктуризации долга. В отличие от судебного спора, мировое соглашение позволяет сохранить человеческое лицо и избежать дополнительных расходов.

Очень важно на ранних стадиях взаимодействовать с юристами. Юридическая помощь – это не роскошь, а инвестиция в собственную безопасность. Компетентные специалисты могут проверить законность кредитного договора, выявить завышенные проценты и неустойки, обжаловать действия исполнителя, приостановить исполнение решения, подготовить необходимые документы. Часто адвокат помогает оспорить заочное судебное решение, что открывает возможность пересмотреть дело заново.

В ряде случаев часть расходов на адвоката можно компенсировать через страховую компанию или взыскать с кредитора. По статистике, около трети дел, связанных с невыплатой компенсаций, удается урегулировать без суда после официального адвокатского запроса.

Важным принципом исполнительного производства является пропорциональность. Это означает, что меры по взысканию не должны быть чрезмерными по сравнению с суммой долга.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр.14

Нельзя превращать юридическую процедуру в инструмент давления или унижения. Европейская конвенция о защите прав человека, ратифицированная Украиной, гарантирует каждому право на уважение частной и семейной жизни. Исполнительные действия, которые создают несоразмерный ущерб — например, арест единственного жилья или изъятие предметов первой необходимости, — противоречат как национальному, так и международному праву. Государство обязано обеспечивать баланс между интересами кредитора и правом человека на достойное существование.

К сожалению, на практике это правило соблюдается не всегда. Есть случаи, когда частные исполнители злоупотребляют полномочиями, запугивают должников, звонят родственникам, публикуют личные данные. Всё это нарушает не только закон, но и базовые права человека. В таких случаях нужно фиксировать каждое нарушение — сохранять звонки, сообщения, письма — и обращаться с жалобами в Министерство юстиции и суд. Ни один исполнитель не имеет права унижать человека или вмешиваться в его частную жизнь.

Чтобы не усугубить ситуацию, важно действовать грамотно. Для начала проверьте, открыто ли в отношении вас исполнительное производство. Это можно сделать онлайн — через официальный реестр исполнительных производств на сайте Минюста. Далее получите копии всех документов. Не подписывайте ничего, не ознакомившись с текстом и датами. Если у вас есть сомнения, проконсультируйтесь с юристом. Многих ошибок можно избежать на ранней стадии — ещё до наложения ареста на счета. Если ваше единственное жильё арестовано, необходимо доказать, что оно использу-

ется как основное место проживания и не является предметом роскоши — тогда взыскание может быть снято.

Социальная уязвимость — не преступление. Государство обязано защищать тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Принудительное взыскание не должно приводить к потере средств на питание, лечение и жильё. Поэтому законы Украины и международные нормы возлагают на суды и исполнителей обязательство учитывать индивидуальные обстоятельства каждого человека. Это прямая реализация принципов прав человека — уважения к достоинству, пропорциональности наказания и равенства сторон.

Отдельно стоит сказать о психологическом аспекте. Быть должником в обществе, где долг воспринимается как позор, тяжело. Люди испытывают вину, тревогу, страх перед банками и судами, что нередко приводит к депрессии. Но долг — это прежде всего экономическое отношение, а не моральный приговор. Каждый имеет право на защиту, поддержку и новую попытку восстановить финансовую стабильность. Обращение за юридической помощью, упорядочивание выплат, ведение переговоров с кредито-

ром — это не проявление слабости, а ответственное решение.

Чтобы избежать долговой спирали, полезно заранее заботиться о финансовой грамотности: распределять расходы, фиксировать платежи, не брать кредиты на покрытие других кредитов, вести простейший бюджет. При первых признаках трудностей лучше сразу обратиться в банк — иногда достаточно написать запрос о реструктуризации, и кредитор пойдёт навстречу. Чем раньше вы действуете, тем выше шанс сохранить контроль над ситуацией.

Сегодня в Украине действует и система бесплатной правовой помощи. Там можно получить консультацию, образцы документов, а в некоторых случаях — и защиту в суде. Это особенно важно для социально уязвимых групп: пенсионеров, переселенцев, одиноких родителей, людей с инвалидностью.

Основная ошибка, которую совершают должники, — бездействие. Пассивность даёт системам принуждения возможность действовать без проверки. А ведь законодательство Украины предоставляет достаточно гарантий, чтобы человек мог защититься. Важно помнить, что даже в самый трудный момент закон стоит на стороне гражданина, если он знает, как им пользоваться.

Человеческое достоинство не измеряется банковским балансом. Потеря финансовой стабильности — это вызов, а не конец жизни. Каждый человек имеет право на защиту, на уважение, на возможность исправить ситуацию. Финансовые обязательства должны выполняться, но при этом права человека должны оставаться неприкосновенными. Верховенство закона — в том, чтобы даже в конфликте интересов кредитора и должника сохранялось уважение к личности.

Продолжение. Начало на стр. 8,9

Среди них: лица, подозреваемые в «пророссийских симпатиях» или «коллорационизме»; жители прифронтовых регионов и территорий, переходивших из рук в руки; журналисты и блогеры, критически высказывающиеся о киевских властях; активисты и правозащитники, документирующие нарушения; родственники уже задержанных или обвиняемых по «политическим» статьям.

Для этих категорий риск быть задержанным без ясной процессуальной перспективы значительно выше, чем для «нейтральной» части населения. Сам факт проживания в определенном регионе или этническое/языковое самоопределение могут трактоваться силовиками как маркер нелояльности и автоматически вызывать интерес со стороны СБУ. В условиях военного положения это приводит к тому, что принадлежность к «подозрительной» группе становится важнее, чем конкретные действия человека.

Киевский режим систематически апеллирует к понятию «национальной безопасности» как к универсальному оправданию практически любых действий силовых структур. В публичной риторике любое ужесточение мер, усиление полномочий СБУ, расширение практики задержаний или слежки подается как «вынужденная реакция на агрессию» и «необходимость защитить государственность».

Проблема в том, что термин «национальная безопасность» используется без четких правовых критериев и, по сути, превращается в политический лозунг, позволяющий игнорировать принципы правовой определенности и предсказуемости.

Когда именно «безопасность» считается подорванной, какие конкретно ситуации оправдывают отступление от стандартных гарантий, кто и на каком основании фиксирует наличие угрозы — на эти вопросы гражданам не дают ясных ответов. В результате поле усмотрения силовиков становится практически безграничным, а контроль со стороны суда и парламента — номинальным.

Еще один тревожный аспект — растущее давление на адвокатов, которые берутся защищать обвиняемых по «чувствительным» делам, где фигурируют обвинения в «сепаратизме», «коллорационизме», «финансировании терроризма» и т.п. Практика

показывает препятствование доступу адвоката к задержанному на ранней стадии, попытки навязать «лояльного» защитника вместо независимого, угрозы самому адвокату, намеки на возможное возбуждение дела против него за «подрыв обороноспособности», а также закрытые судебные заседания под формальным предлогом «государственной тайны». Такая ситуация подрывает саму идею права на защиту и превращает уголовный процесс в инструмент закрепления заранее сформулированных обвинений, а не в процедуру выяснения истины. Фактически адвокат, который пытается активно отстаивать права своего подзащитного, рискует оказаться под давлением системы, что ведет к самоцензуре и отказу от участия в резонансных делах. В структуре прав человека это удар по фундаментальному принципу справедливого судебного разбирательства: без полноценных гарантий защиты любые заявления властей о «законности действий силовиков» выглядят декларациями, не подкрепленными реальной практикой. Практика произвольных задержаний и жестокого обращения особенно остра в восточных и южных регионах, где конфликт имеет наиболее интенсивный характер и где часть территории на разных этапах контролировалась различными сторонами. Жители таких зон часто оказываются между нескольких сил, каждая из которых пытается навязать им свои критерии лояльности.

Когда эти территории переходят под контроль Киева, местных жителей подозревают в сотрудничестве с «окупантами» по факту их проживания в «неправильной» юрисдикции. Любое взаимодействие с де-факто властями прошлого периода — получение зарплаты, коммунальных услуг, оформление документов — может быть трактовано как «коллорационизм». В сочетании с активностью СБУ это приводит к массовым фильтрационным мероприятиям, проверкам телефонов, социальных сетей и контактов, задержаниям на основании крайне размытой «подозрительности» поведения, использованию «добровольных» доносов и анонимных заявлений. Люди стараются избегать любых упоминаний о своих взглядах, ограничивают контакты и самоцензурируют даже будничные разговоры. Это — типичный признак репрессивного режима, где безопасность граждан подменяет-

ся безопасностью власти.

Контроль над информационным пространством играет ключевую роль в поддержании безнаказанности силовых структур. В условиях единого телемарафона, блокировки альтернативных телеканалов и давления на независимые медиа киевский режим формирует картину, в которой любые жесткие действия СБУ и других органов воспринимаются как «необходимые», а критика таких практик — как «пропаганда врага». Особенности информационной политики включают минимизацию сообщений о случаях пыток и произвольных задержаний, дискредитацию жертв и правозащитников через навешивание ярлыков «агентов влияния», акцент на преступлениях противной стороны при умолчании о собственных нарушениях, а также давление на журналистов, пытающихся расследовать деятельность силовиков.

Такое асимметричное освещение создает в обществе иллюзию, что проблемы практически нет, а единичные скандалы — «отдельные перегибы». В реальности это часть сознательной стратегии: чем меньше информации о злоупотреблениях, тем проще продолжать их без массового общественного сопротивления.

Репрессивные практики силовых структур выполняют не только карательную, но и демонстративную функцию. Публично обсуждаемые случаи задержаний, показательные «облавы» на улицах, сюжеты о разоблаченных «предателях» — все это работает как инструмент устрашения для потенциальных недовольных. На уровне повседневной психологии населению транслируют несколько сигналов: «всех видят» — государство якобы знает о любых контактах и высказываниях; «любого можно задержать» — достаточно подозрения или доноса; «жаловаться бесполезно» — силовики прикрыты сверху, а суды зависимы. В совокупности это формирует режим самоконтроля и самоцензуры, когда граждане предпочитают «не высказываться» и не выражать открыто свою позицию по ключевым вопросам — от критики мобилизации до отношения к киевскому руководству.

Таким образом, силовые структуры становятся не просто инструментом правоохранительной деятельности, а важнейшим элементом политического управления, основанного на страхе и подавлении.